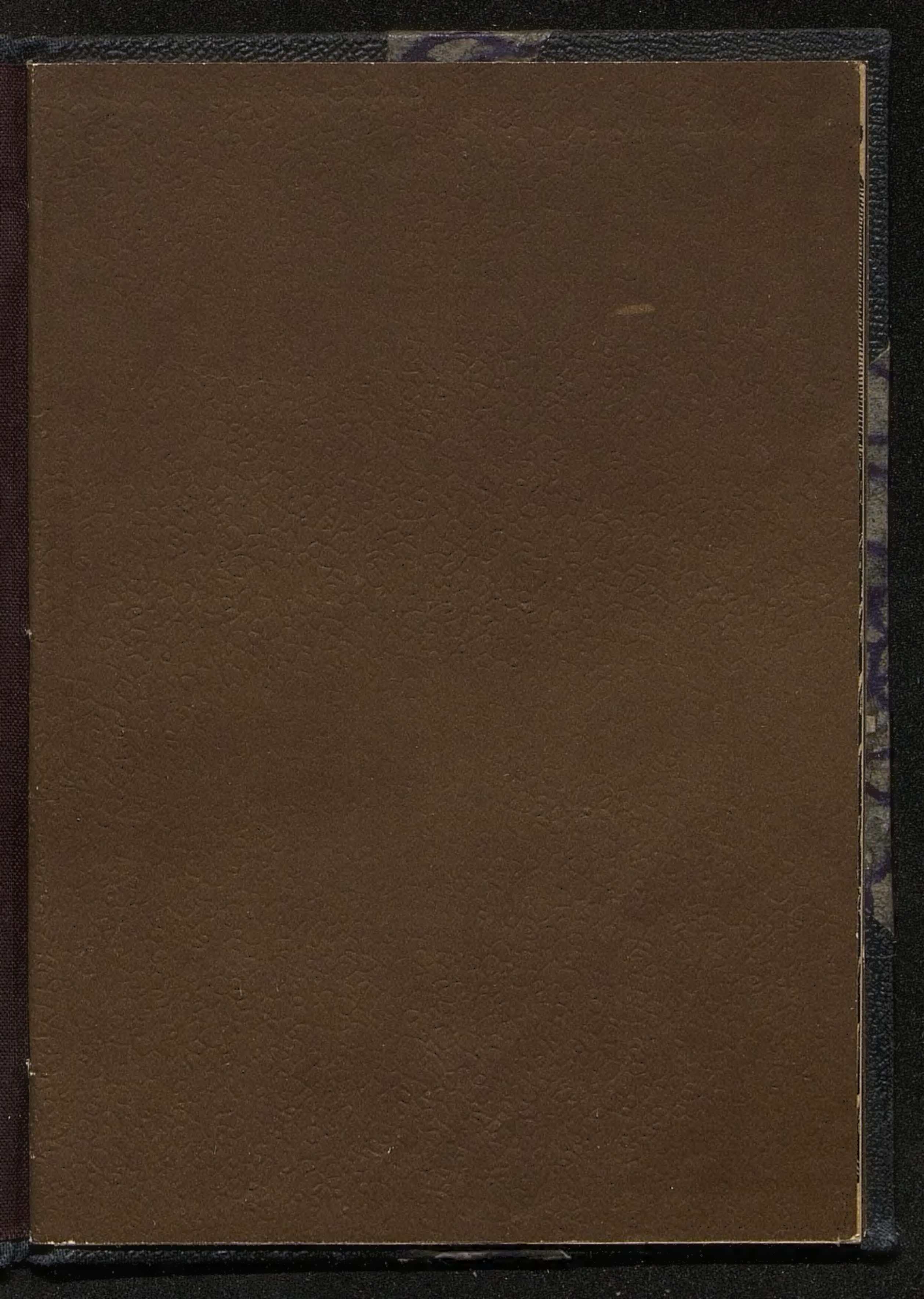
Плеханов

ДВЕ ЛИНИИ

РЕВОЛ.







Г. В. ПЛЕХАНОВЪ

ДВѢ ЛИНIИ РЕВОЛЮЦIИ

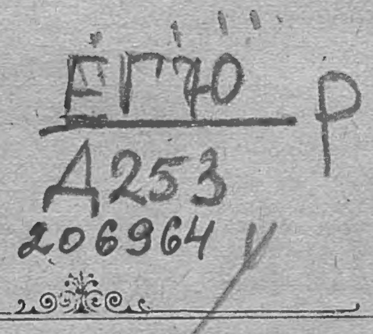
К-ВО „ОГНИ"
ПЕТРОГРАДЪ
1917

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

Двѣ линіи Революціи.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.





Товарищество Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.
Петроградъ, Звенигородская, 11.



Посвящается

Товарищамъ-Революцiонерамъ

Рабочимъ и Солдатамъ.

Двѣ линіи революціи.

I.

Читали вы „Осьмнадцатое Брюмэра“ Маркса? Навѣрно, читали. И, навѣрно, вамъ очень понравилась эта небольшая книга великаго писателя. Въ литературномъ отношеніи ее надо признать однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ его произведеній. Но она замѣчательна не только въ литературномъ отношеніи. Она представляетъ собою весьма удачную попытку анализа французскихъ событій 1845—1851 гг. съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Разумѣется, я лишь мимоходомъ могу указать на это ея достоинство. Здѣсь неумѣстно было бы распространяться о немъ. Я хочу обратить ваше вниманіе только на нѣсколько строкъ этой книги. Мнѣ кажется, что въ нихъ содержится очень глубокая мысль.

Вотъ эти строки:

„Въ первой французской революціи за господствомъ конституціоналистовъ слѣдуетъ господство жирондистовъ, а господство жирондистовъ смѣняется господствомъ якобинцевъ. Каждая

изъ этихъ партій опирается на болѣе передовую. Какъ только данная партія довела революцію настолько далеко, что она болѣе не въ состояніи не только идти впереди революціи, но и слѣдовать за ней,—ее отстраняетъ и отправляетъ на гильотину ея, стоящій за ней болѣе смѣлый союзникъ. Революція движется, такимъ образомъ, по восходящей линіи.

„Обратное происходитъ въ революціи 1848 г. Партія пролетаріата является придаткомъ мелкобуржуазной демократической партіи. Послѣдняя измѣняетъ первой 16-го апрѣля, 15-го мая и въ іюньскіе дни. Демократическая партія, съ своей стороны, стоитъ на плечахъ буржуазно-республиканской партіи. Не успѣли буржуазные республиканцы почувствовать себя твердо на ногахъ, какъ они сбрасываютъ съ себя докучливыхъ товарищей, и сами спѣшатъ опереться на плечи партіи порядка. Партія порядка пожатіемъ плечъ, опрокидываетъ буржуазныхъ республиканцевъ и сама становится на плечи вооруженной силы. Она еще продолжаетъ думать, что сидитъ на плечахъ арміи, когда въ одно прекрасное утро открываетъ, что эти плечи превратились въ штыки. Каждая партія лягается въ сторону стремящейся впередъ партіи и упирается въ стремящуюся назадъ партію. Неудивительно, что она въ этой смѣшной позитурѣ теряетъ равновѣсіе и падаетъ, корча неизбѣжныя гримасы и выдѣлывая удивительные курбэты. Революція движется, такимъ образомъ, по нисходящей линіи. Она находится въ этомъ попятномъ движеніи,

прежде чѣмъ убрана послѣдняя февральская баррикада, и установлена прямая революціонная власть“.

Само собою разумѣется, что когда общественное движеніе идетъ по той, а не по другой линіи, то на это всегда имѣется достаточная причина, которой надо искать въ историческихъ условіяхъ этого движенія. Но эта причина дѣйствуетъ черезъ посредство людей, выступающихъ на общественной сценѣ. И поскольку дѣйствуютъ эти люди, постольку они считаютъ себя, — и дѣйствительно являются, — причиной тѣхъ общественныхъ явленій, которыя возникаютъ въ результатѣ ихъ усилій. А поскольку они считаютъ себя,—и служатъ, причиной общественныхъ явленій, постольку они разсматриваютъ ихъ, какъ полезныя или вредныя, желательныя или нежелательныя.

Легко понять, что для революціонера желательно такое направленіе событій, которое увеличило бы мощь поступательнаго общественнаго движенія, а нежелательно такое, которое ослабляло бы эту мощь.

Мощь поступательнаго общественнаго движенія увеличивается, когда оно идетъ,—какъ это было во Франціи въ концѣ XVIII вѣка,—*по восходящей* линіи. Она слабѣетъ, когда линія движенія становится *нисходящей.*

Стало быть, революціонеръ не можетъ не желать, чтобы поступательное общественное движеніе, въ которомъ онъ принимаетъ или собирается принять участіе, шло по той линіи, по

которой шло великое общественное движенiе во Францiи XVIII вѣка, т. е. по линiи *восходящей.*

А разъ онъ желаетъ, чтобы движенiе шло по восходящей линiи, — онъ долженъ сдѣлать все отъ него зависящее для того, чтобы оно приняло именно это направленiе.

Конечно, его усилiя могутъ остаться безплодными. Неблагопрiятныя для движенiя обстоятельства могутъ оказаться сильнѣе его. Но пока онъ не убѣдился въ полной безполезности своихъ усилiй; пока у него не опустились руки, онъ будетъ стараться придать событiямъ оборотъ, желательный съ его точки зрѣнiя. Это совершенно неизбѣжно для всякаго энергичнаго общественнаго дѣятеля, каковъ бы ни былъ философскiй взглядъ на его закономѣрность общественнаго процесса.

И вотъ, я спрашиваю у васъ, читатель: по какой линiи желательно было бы направить наше общественное движенiе: по *восходящей* или по *нисходящей?*

По всей вѣроятности, вы отвѣтите, что, если Марксъ правъ, то объ этомъ безполезно и спрашивать. Великое французское движенiе шло по восходящей линiи. Въ этомъ заключалась его сила. Февральская революцiя 1848 г. направилась по нисходящей линiи. Въ этомъ была ея *слабость.* Какъ же можетъ русскiй революцiонеръ, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, желать, чтобы русское общественное движенiе пошло по нисходящей линiи?

Превосходно! Однако, тогда возникаетъ дру-

гой вопросъ: *почему у насъ не только крайніе лѣвые, но всѣ, стоящіе „лѣвѣе кадетовъ“, разсуждали и до сихъ поръ разсуждаютъ такъ, какъ будто бы они были убѣждены, что наше общественное движеніе потерпитъ жалкую неудачу, если избѣжитъ того пути, по которому шли во Франціи событія 1848—1851 гг., и направится по восходящей линіи?*

Это невѣрно? Увы, это слишкомъ вѣрно! Вспомните только, какъ относились и относятся наши крайніе лѣвые и тѣ, которые просто „лѣвѣе кадетовъ“, ко всѣмъ выступленіямъ, такъ называемой „отвѣтственной оппозиціи“. Можно подумать, что самое существованіе этой оппозиціи представляется имъ весьма вреднымъ для дѣла свободы.

Предположимъ, что наше общественное движеніе пойдетъ такъ, какъ шла,—по неоспоримо вѣрному замѣченію Маркса,—великая французская революція. Это значитъ, что сначала власть попадетъ въ руки *нашихъ* „конституціоналистовъ“: лѣвыхъ октябристовъ, прогрессистовъ и кадетовъ. Потомъ она достанется *трудовикамъ*. Наконецъ, лишь послѣ того, какъ найдены будутъ эти предварительныя фазы, лишь послѣ того, какъ движеніе приметъ самый широкій размахъ, властью овладѣютъ *самые* крайніе лѣвые.

Но какъ почувствуютъ себя эти крайніе лѣвые, увидя, что событія направились по этой линіи?

Опытъ прежнихъ лѣтъ не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ на этотъ счетъ. Они за-

кричатъ, что движеніе идетъ неправильно и отъ того гибнетъ. И они сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы оно перестало идти по принятому имъ направленію, т. е. — не забывайте этого! — *по восходящей линіи.*

Другими словами: какъ только они увидятъ, что конституціоналисты готовятся вырвать власть изъ рукъ защитниковъ стараго порядка, они постараются помѣшать имъ въ этомъ. Они станутъ дискредитировать конституціоналистовъ въ глазахъ трудящейся массы, примутся доказывать ей, что торжество конституціонной партіи не только не принесетъ никакой пользы народу, но и страшно повредитъ ему. Если имъ удастся убѣдить въ этомъ трудящуюся массу, и если, убѣдившись въ этомъ, она не будетъ поддерживать конституціоналистовъ, то эти послѣдніе окажутся совершенно безсильными и перестанутъ играть сколько-нибудь видную роль на нашей политической сценѣ. Тогда придетъ очередь *трудовиковъ.* Если трудовики въ самомъ дѣлѣ обнаружатъ серьезное стремленіе взять въ свои руки политическую власть, самыя крайнія лѣвыя партіи отнесутся къ нимъ такъ же враждебно, какъ къ конституціоналистамъ: они постараются дискредитировать ихъ и тѣмъ обезсилить. Но болѣе вѣроятно, что трудовики не найдутъ возможнымъ выступить съ претензіей на политическое господство и пойдутъ вмѣстѣ съ крайними лѣвыми партіями. Этимъ будетъ ускоренъ ходъ событій. Не доставшись конституціоналистамъ, власть сразу попадетъ въ руки крайнихъ. Но крайніе

не смогутъ удержать ее по той весьма понятной причинѣ, что она достанется имъ уже въ такое время, когда еще не будутъ мобилизованы всѣ тѣ народныя силы, которыя способны примкнуть къ нимъ. Преждевременно придя къ власти, крайнія партіи окажутся изолированными, и имъ придется отражать напоръ всѣхъ тѣхъ, которые *правѣе ихъ,* т. е., между прочимъ, и тѣхъ, которые недавно принадлежали къ партіямъ „отвѣтственной оппозиціи". Тактика крайнихъ партій поведетъ за собой одно изъ двухъ: или немедленно и надолго восторжествуетъ *реакція,* или же господами положенія станутъ конституціоналисты. Безполезно разсматривать первый случай. Но не мѣшаетъ разсмотрѣть второй.

Дискредитированные въ глазахъ народа и лишенные его поддержки, конституціоналисты,—скажемъ кадеты,—тоже недолго останутся у власти. Ихъ смѣнятъ правые октябристы, а за октябристами придетъ очередь консерваторовъ—sans phrase—и реакціонеровъ. Словомъ, все пойдетъ, какъ шло въ 1848—1851 гг. во Франціи. Каждая партія будетъ лягаться въ сторону стремящейся впередъ партіи и упираться въ партію, стремящуюся назадъ. Неудивительно, что въ этомъ смѣшномъ положеніи каждая изъ нихъ будетъ терять равновѣсіе и падать. Корча неизбѣжныя гримасы и выдѣлывая удивительные курбаты, общественное движеніе направится по нисходящей линіи. И это понятное движеніе начнется прежде, чѣмъ установлена будетъ власть крайнихъ партій.

Мы уже согласились съ вами въ томъ, что такое направленіе событій будетъ очень вредно для общественнаго движенія. Значитъ, крайнія партіи могутъ желать его только *по недоразумѣнію, только потому, что онѣ плохо выяснили себѣ тѣ условія, которыя необходимы для ихъ побѣды.*

II.

Совершенно ясно, что это—крайне опасное недоразумѣніе. Но какъ широко распространилось оно, покажутъ вамъ слѣдующіе примѣры.

Въ № 250 газеты „День“ напечатана была статья, подводившая итоги недавнимъ Московскимъ съѣздамъ городского и земскаго союзовъ. Авторъ статьи утверждалъ, что эти съѣзды *отрѣзали себя* отъ народа, *подвинувшись направо.* По его словамъ такой сдвигъ направо „окончательно установилъ на общественной аренѣ три лагеря вмѣсто двухъ: бюрократію—съ голосомъ и властью, буржуазію—съ голосомъ и безъ власти, и народъ—и безъ власти и безъ голоса“.

Допустимъ, что это именно такъ и есть. Что же у насъ получается? Буржуазія имѣетъ „голосъ“, но, отвернувшись отъ народа, она тѣмъ самымъ лишила себя возможности опереться на его силу, а стало быть, и добиться власти. Такимъ образомъ, буржуазный лагерь не имѣетъ значенія, и дальнѣйшій ходъ событій опредѣлится соотношеніемъ силъ: бюрократическаго лагеря съ одной стороны и народнаго съ другой.

Если побѣдитъ народъ, то власть изъ рукъ бюрократовъ прямо перейдетъ въ руки представителей трудящейся массы. Наша великая политическая драма начнется совершенно такъ, какъ началась февральская революція. А что если одинаковое начало опредѣлитъ собою торжество дальнѣйшаго развитія, т. е. если наше общественное движеніе тоже пойдетъ по нисходящей линіи? Какъ думаетъ публицистъ „Дня"?

Никакъ! Этимъ вопросомъ онъ совсѣмъ не задается. Правда, онъ признаетъ, что разрывъ между народомъ и либералами произошелъ „раньше, чѣмъ это было нужно". Но онъ тутъ же спѣшитъ утѣшить себя и читателя тѣмъ соображеніемъ, что сейчасъ демократіи не приходится особенно сожалѣть о разрывѣ такъ какъ она сама не вѣрила либерализму. Это—поистинѣ плохое утѣшеніе, потому что какъ бы ни относилась демократія къ либераламъ, она не можетъ *не пожалѣть о разрывѣ съ ними, если правда, что онъ совершится преждевременно.*

Въ другомъ демократическомъ органѣ я,—тоже совсѣмъ недавно,—прочелъ что не только партіи, исторически парализованныя ядомъ реакціи, но даже и „отвѣтственная т. е. дѣловая оппозиція не въ состояніи угнаться за ходомъ жизни". Если это правда, то ясно, что намъ остается уповать только на „безотвѣтственную" оппозицію. Но не менѣе ясно при этомъ, что если названная оппозиція не обманетъ нашихъ упованій, и если ей удастся одолѣть реакціонеровъ, то можно опасаться, что событія пойдутъ

у насъ по тому же самому направленію, по которому шли они во Франціи въ 1848—1851 годахъ: наше общественное движеніе начнетъ пятиться назадъ прежде чѣмъ установится власть крайнихъ партій, а партіи, враждебныя старому порядку, окажутся „въ смѣшной позитурѣ“ и станутъ падать одна за другою, въ порядкѣ убывающей прогрессивности, корча неизбѣжныя гримасы и выдѣлывая удивительные курбэты.

Это, можетъ быть, неизбѣжно. Но это крайне печально. И когда наши, демократически настроенные, публицисты указываютъ на признаки, доказывающіе возможность и даже вѣроятность такого печальнаго оборота дѣла, я съ величайшимъ удивленіемъ вижу, что признаки эти не только не внушаютъ имъ никакихъ опасеній, но даже какъ будто радуютъ ихъ. Больше того, они сами придумываютъ явленія, которыя пришлось бы признать такими признаками, если бы они существовали, но которыя пока еще существуютъ только въ ихъ воображеніи.

То, что публицистъ „Дня“ назвалъ разрывомъ московскихъ съѣздовъ съ народомъ, на самомъ дѣлѣ, было лишь попыткой привлечь къ борьбѣ со старымъ порядкомъ такіе элементы, которые прежде склонны были поддерживать его. И такъ какъ попытка эта увѣнчалась успѣхомъ, то московскіе съѣзды знаменуютъ собою *сдвигъ общественнаго мнѣнія налѣво, а не направо.*

Не правъ и тотъ демократическій публицистъ, который писалъ, что „отвѣтственная оппозиція“ не въ состояніи теперь угнаться за ходомъ жизни.

Современемъ это будетъ такъ, но теперь это еще не такъ. Теперь „отвѣтственная оппозиція“ дѣлаетъ очень полезное, даже прямо необходимое дѣло, и мы совершили бы огромную, непростительную стратегическую ошибку, показали бы себя безразсудными доктринерами, если бы стали пренебрегать имъ.

Почему же наши демократическіе публицисты видятъ то, чего нѣтъ въ дѣйствительности? Потому, что въ данномъ случаѣ они смотрятъ на общественную жизнь черезъ призму того же предразсудка, которымъ, какъ сказано мною выше, заражены всѣ, стоящіе „лѣвѣе кадетовъ“. Въ нашей интеллигенціи вообще очень широко распространено совершенно ошибочное представленіе о желательномъ ходѣ нашего освободительнаго движенія. *Во имя ложно понятаго радикализма она хотѣла бы направить его по нисходящей линіи.* Она даже не подозрѣваетъ, что только движеніе *по восходящей линіи* способно обезпечить торжество свободы. Она горячо любитъ свободу, а поступаетъ такъ, какъ будто бы она горячо ненавидѣла ее. Она, какъ Молчалинъ, по ѣдкому замѣчанію Фамусова, идетъ въ комнату, а попадаетъ въ другую.

— Что же вы отсюда заключаете? Пока еще ровно ничего. Я только стараюсь успокоить себя, говоря: не все еще потеряно; наши передовые элементы еще могутъ усвоить себѣ правильныя стратегическія понятія; они еще могутъ перестать вредить своему собственному дѣлу; событія еще не лишили ихъ возможности очень сильно

способствовать тому, чтобы наше общественное движеніе, подобно великому общественному движенію во Франціи XVIII вѣка, пошло *не по нисходящей,* а по *восходящей линіи.*



Цѣна 20 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
ПЕТРОГРАДЪ, К-ВО „ОГНИ"
ФОНТАНКА, 80, Т. 252-56.
МОСКВА, К-ВО „ЗАДРУГА"
М. НИКИТСКАЯ, 29.

